

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русско-японская война, уже давно скрывшаяся за начальным поворотом XX века. Казалось бы, что этот конфликт, ставший по своему ходу действий и получившийся по своим итогам первой «странной войной» того бурно начинавшегося века, давно исчез в водовороте его стремительного течения. Однако многочисленные вопросы случившегося дальневосточного противостояния, оставшиеся без ответов для пытливого ума, по-прежнему влекут к себе всё новых её толкователей. Не исключение и Ваш покорный слуга, который в меру сил и способностей постарается представить на беспристрастный суд объективного читателя свой взгляд на причинно-следственную связь ключевых событий этой войны, завершившейся не предсказанным, и оттого весьма больно отозвавшимся в отечестве финалом. Финалом, близким к фиаско, который обернулся в художественно-исторической литературе тем самым первым колоколом, прозвеневшим по всей печальной будущности развития Российской Империи в наступавшем столетии.

Война часто выпадала России в ее истории. Наши давние прародители воевали чаще нас, к ударам были привычнее, неожиданностью и внезапностью врасплох их было не застать. Доля отцов, дедов и прадедов складывалась уже иначе — они медленно, но неуклонно начинали больше торговать и строить, чем воевать. Начиналась давно не складывавшаяся попытка выиграть преимущество промышленностью и торговлей вместо натиска штыков и ружейного огня. Выложив из рук ружье и взяв в руки рубанки да торговые ссуды, мы в ответ получили ряд войн — вполне ожидавшихся, ибо когда растешь, всегда приходится кого-то отодвигать. Однако чем дальше росла наша страна, тем чаще эти войны начинались для неё внезапно, что в итоге привело нас к современному классическому заключению о том, что мы никогда ни к чему не готовы, поскольку это обычное наше состояние.

Когда, почив на лаврах громкой победы над Наполеоном, мы стали постепенно отставать в своем общем военно-техническом развитии, то, впоследствии признавая это, начавшиеся со второй половины XIX века военные поражения, как в Восточной (Крымской) войне, так и позднее — в Первой мировой, да и в ходе начального периода Великой Отечественной войны — часто стали объяснять только этим фактором. Обществу предъявлялись подробные обоснования либо технического, либо численного перевеса того противника, который появлялся у России на тот момент. Часто забывая о том, что между собой у этих противников в непрекращавшемся «концерте держав» того века также существовали различные уровни военно-технического развития, однако это им не препятствовало в достижении военных успехов со странами, обладавшими оружием с лучшими качественными характеристиками.

Приведем ряд известных исторических примеров, лучше всего характеризующих подобные ситуации.

Все мы помним неоднократно выявленное и упомянутое в качестве главной причины наших неудач под Севастополем в 1854–55 гг. превосходство англо-французской армии в дальнобойности стрелкового нарезного оружия (вот уж *«Левша»* Н.Н. Лескова зарубку в памяти оставил). И при этом мало кто говорит, что почти вся французская пехота (за исключением ряда немногочисленных ударных частей), составлявшая большинство союзной армии в Крыму, также не была оснащена нарезным оружием, а именно она, как правило, обеспечила успех. Так было и в сражении на реке Альме, и затем под Инкерманом, далее на Черной речке и в итоге при штурме Малахова кургана. Значит, все-таки **решающее значение имело не само оружие, а владение успешной организацией способов его применения.** Ведь обратным примером нашей Крымской кампании будет являться Франко-прусская война 1870–71 гг., где мы видим совсем иную историю — французская пехота оснащена прекрасными для своего времени дальнобойными (не менее 2 тыс. шагов) ружьями «Шаспо», в то время как пруссаки довольствуются игольчатыми ружьями «Дрейзе» (дальность — около 600 шагов). Однако это техническое отставание вовсе не помешало пруссакам превзойти французов в бою и устроить своему противнику знаменитый Седан. Отметим, справедливости ради, что при этом прусская артиллерия превосходила дальностью огня своих французских визави, что послужило важным тактическим подспорьем германских побед.

Другой пример. Японо-китайская война 1894–95 гг., вопреки установившимся шаблонам, также выказывает, что в военно-техническом отношении Китай имел свои козыри, располагая более сильным флотом, в составе которого находились тяжелые броненосцы, которыми не обладала Япония. Качественное превосходство китайского флота в тяжелых кораблях с военно-технической точки зрения давало преимущество Империи богдыхана в борьбе за господство на море, столь важное для коммуникационных связей в дальневосточных кампаниях. Кроме того, численность китайских сухопутных войск, обученных европейскими инструкторами и оснащенных европейским магазинным оружием, равнялась около 40 тыс. чел., что, конечно, меньше, чем кадровая («постоянная») японская армия того времени (7 дивизий, около 80 тыс. чел.). Однако, принимая во внимание совокупную численность китайской армии на севере Китая — до 150 тыс. чел., получается, что она существенно превосходила японскую в общей численности. Также, в отличие от японцев, в «Срединной империи» имелись в наличии арсеналы стрелкового и артиллерийского оружия для оснащения мобилизуемых войск. Используя европейски обученные войска для более сложных активных маневренных операций, а мобилизованные силы резервных войск — на участках упорной защиты оборонительных рубежей, китайское командование получало бы определенное преимущество над армией своего островного противника, к тому же зарекомендовавшей себя медленным темпом развития своих операций. Однако это не было использовано, имевшиеся военно-технические преимущества «Поднебесной империи» остались непредъявленными, сокрытыми втуне.

В Первой мировой войне 1914–18 гг. в ее первоначальном периоде германская армия, располагая многочисленной тяжелой полевой артиллерией, имела неоспоримое военно-техническое превосходство над русской и французской армиями, в боевых порядках которых подобных калибров совсем не наблюдалось. Однако достичь поставленных целей и быстро сломить своих противников германцам данное военно-техническое преимущество не помогло.

Из приведенных примеров можно произвести несложный вывод — наличие военно-технического превосходства является важным фактором, конечно, но оно отнюдь не является изначальным безусловным гарантом достижения победы в крупном конфликте. Более того, иногда победа, достигнутая на поле брани, одерживается вопреки существующему военно-техническому превосходству одной из противоборствующих сторон. И как раз одним из подобных неожиданных «обратных» примеров предстает перед нашим взглядом Русско-японская война 1904–05 гг.

В начале XX века русская армия обладала самыми передовыми вооружениями для своего времени, по своим тактическим характеристикам превосходившими аналогичные японские образцы. Приведем примеры. Поступившая на вооружение пехотных частей винтовка С. И. Мосина образца 1891 года — знаменитая «трехлинейка» — как мы знаем, обладала следующими данными: калибр патрона — 7,62 мм, начальная скорость полета пули — 700 м/с, прицел — на расстояние до 3200 метров и скорострельность — до 10 выстрелов в минуту. Тем самым русская винтовка превосходила состоявшую на вооружении японской армии винтовку «Арисака тип 30» образца 1897 года. Здесь меньше калибр патрона — 6,5 мм, начальная скорость полета пули сопоставима — около 700 м/с. Прицельная дальность также меньше — 2000 метров. Скорострельность аналогична винтовке Мосина — до 10 выстрелов в минуту. В части полевой артиллерии русская 76,2/30-миллиметровая скорострельная пушка образца 1902 года обладала превосходством над японским 75-миллиметровым полевым орудием в части дальности стрельбы (6–7 км против 4,5 км), количества выпуска снарядов (10–12 выстрелов в минуту против 3–4 — у японского образца). Единственным преимуществом, которое можно записать в актив японцам, являлось наличие фугасных артиллерийских снарядов в полевой артиллерии, в то время как русская артиллерия использовала шрапнель. Таким образом, в отличие от Крымской и Первой мировой войн, здесь нельзя объяснить причину последовавшего поражения одним только качественным преимуществом боевой техники противника. Хотя попытки «списать» всё на знаменитую и уже упомянутую нами выше японскую «шимозу» активно предпринимались отечественными историками еще в советское время.

На войне у каждого бойца есть своя правда, но один общий закон — «опереди врага». Отчего же России не удалось «опередить» Японскую империю и победить в той интенсивной схватке, развернувшейся на Дальнем Востоке в начале нового века, имея многочисленный офицерский корпус с его богатыми военными традициями и накопленной славой на полях сра-

жений, массой великолепных солдат, стяжавших всемирную известность своим терпением, упорством и неустранимостью, лучшей в мире кавалерией и одной из лучших в Европе артиллерий? Почему успех не посетил Россию, которая располагала многочисленными ресурсами, обширным временем и бескрайним пространством, необходимыми для достижения своих целей с позиции силы? Как получилось, что все эти факторы не смогли оказаться победными? Что-то явно пошло не так, но что же именно? Отчего плоды военного успеха в виде преумножения прибыльности от внешней торговли с маньчжурскими провинциями Китая и Корейским государством попали не в русские руки? А плоды ведь эти были немалые, во многом благодаря им золотой запас Японии уже во втором десятилетии XX столетия, т.е. спустя 10–15 лет после победы в Маньчжурии, увеличился с 400 млн до 2,5 млрд иен (почти 2,75 млрд руб. того времени).

Как, какими причинами отечественная историография объясняет произошедшее поражение на полях Маньчжурии, в чем сокрыт ключ поражений закаленной многими боями и походами русской армии от едва только появившихся на исторической сцене японских войск, к тому же, как мы установили, не умевших перед нами каких-либо технических превосходств? Не списать же все на еще несовершенные фугасные снаряды. Отчего наша пехота, о которой прусский король **Фридрих II** высказался в известном ключе, что русского солдата мало убить, его еще надо и повалить, не смогла остановить натиск японской армии? Почему не сработала известная бесстрашность нашей пехоты, про которую высказался уже другой германец — **Ф. Энгельс**, — которого трудно заподозрить даже в минимальных симпатиях к России? В одном из своих фундаментальных и критических по отношению к России трудов *«Может ли Европа разоружиться?»* он не смог не заметить: *«Русский солдат отличается, без сомнения, большой храбростью... Нет никакой возможности рассеять русские батальоны: чем грознее опасность, тем крепче солдаты держатся друг за дружку...»* Однако все это не смогло одолеть восточного врага, к тому же впервые выступившего против какого-либо противника с далекого европейского континента. Почему русская конница, имевшая легкую возможность преумножить свою более чем двухсотлетнюю боевую славу, значительно превосходя качественно и количественно японскую кавалерию, не сумела сорвать замыслы противника и стать надежной «завесой» развертывания своих главных сил? Как случилось,

что русская артиллерия, имевшая большое превосходство в материальной части и храбрый личный состав, не завоевала господство над полем боя и, соответственно, не взяла в свои руки контроль над исходом схватки? Думаю, что уважаемый читатель согласится с автором — немедленно дать исчерпывающий ответ на совокупность поставленных вопросов очень сложно, если вообще возможно.

Войны, завершающиеся поражениями, редко бывают востребованы кем-то, кроме офицеров-специалистов, которые стремятся извлечь из случившегося крупицу полезности ухода от последующего воспроизведения ошибок в подходах к организации следующего сражения. Дивидендов на них не заработать, популярности не приобрести, здравицы не исполнить. Равно как и личной приятности изложения, откровенно говоря, доставлять они не могут. Читаешь, видишь, смотришь, анализируешь. Больно. Все время вскидываешься — отчего переместился туда, просмотрел удар или его возможность, отчего не вчера, а сегодня, почему не со всеми имевшимися силами? Думаю, что не только с автором подобное происходило при развитии его «романа» с Маньчжурской кампанией 1904–05 гг. То тут, то там с высоты всезнания об уже случившемся на ум прилетает фраза из одного известного фильма **С. Ростоккого**: *«Словно бы в истории орудовала банда двоечников»*. Однако желание разобраться, отчего же получилось именно так, а не иначе — что было и от этого дальше пошло, — отнюдь не уменьшается, сколь бы ни было горько. С ярлыком «двоечников» также не хочется спешить и бежать наклеивать, этим у нас и без автора многие любят заниматься. Оставим им их маленькие радости. Ваш покорный слуга не может утверждать, что именно одно только желание «разобраться» послужило основным вдохновляющим двигателем военно-исторического поиска автора, однако топливом для него оно точно являлось.

Автор не зря упомянул Русско-японскую войну 1904–05 гг. первой «странной войной» XX века. Читатели наверняка помнят, что в истории так называют один из начальных периодов Второй мировой войны, в котором Великобритания и Франция объявили войну Германии 3 сентября 1939 года. Однако фактически боевые действия на суше не велись более полугода — до момента вторжения нацистских войск в Норвегию 8 апреля 1940 года, а затем и во Францию. И поэтому спросят автора — причем здесь Русско-японская кампания?

«Странность» рассматриваемого нами конфликта заключается не в отсутствии боевых действий, как в предыдущем историческом случае, а в удивительном ходе произошедших событий. Да, в самом способе ведения боевых действий, в своем отношении русского главного командования того времени к происходящему на поле сражения и вокруг него. В построении боевых порядков русской армии, в их маневрировании на поле боя. В порой необъяснимых решениях русского командования, раз за разом выстраивавшего «золотой мост» своему противнику, однако не для позорного бегства, с коим обычно связан данный термин в военной истории, а в позволении тому совершать любой наступательный или оборонительный маневр

против русских сил. Не ища, не настаивая, не опережая. Так, словно наша армия совершенно забыла, как надо уметь воевать, чтобы достичь победы. Нас часто упрекают европейские нации в излишней подозрительности и тяге к поиску оборотной стороны происходивших событий, однако при рассмотрении всего хода нашей минувшей Маньчжурской кампании 1904–05 гг. мысль о постоянных странных «поддавках» противнику со стороны российских сил неизменно стучится в подсознание.

Ну как, позвольте спросить, при первом сближении с событиями на полях русско-японских сражений следует объяснить следующие обстоятельства? Начинается война на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, с обширными горными районами на ее территории, однако по плану частной мобилизации туда отправляются войска из губерний Центральной России, а вовсе не кавказские части, обученные действовать в горных условиях. Да и там эти войска вначале используются в горах, в то время как сибирские соединения, более приспособленные к местному театру, используются на равнинной части Маньчжурии. Почему с открытием войны немедленно началась чехарда среди лиц высшего командного состава, в результате которой зачастую вместе в штабах и на полях кампании оказались офицеры, впервые видящие друг друга? Почему при начавшихся военных действиях продолжилось увольнение в запас только что отслуживших нижних чинов, в то время как на войну отправляют из запаса 40-летних «отцов семейств», забывших всякое понятие о военной подготовке, отрывая от их и без того нехитрого крестьянского хозяйства? Зачем в начале войны, при полном понимании неготовности войск и отсутствии их сосредоточения в рамках намеченного плана, противнику даются частные сражения с заведомо недостаточными силами, в которых врагу позволено торжествовать в ущерб нашему нравственному духу и материальным силам? Такие примеры можно продолжать, спускаясь глубже во временной срез происходивших сражений. Мы вернемся к ним позднее, когда уважаемый читатель будет более заинтересован в оперативной обстановке соответствующего периода времени на театре военных действий.

Однако если вся указанная «странность» ведения Русско-японской войны 1904–05 гг. замечена впервые отнюдь не автором, то ведь должны были быть представлены на суд публики и объяснения. Быть может автору и не стоило затевать данную свою работу — все уже давно изложено, разобрано, подшито и сдано в архив? *«Полно горе горевать...»?*

Что же, давайте ответим на этот вопрос сразу. Чтобы те, кого удовлетворяют изложенные сейчас накопленные ранее объяснения неудачного для русского дела исхода Маньчжурской кампании, могли с чувством выполненного долга закрыть сей труд и отложить его в сторону. Те же, у кого интерес не угаснет, вместе с автором последуют дальше. Я бы предложил рассредоточить комплекс уже случившихся историографических объяснений событий нашей дальневосточной войны на три части, исходя из временного признака. Первая часть историографического комплекса представляет собой работы, появившиеся в период сразу после завершения боевых действий и до событий

1917 года; во вторую часть попадает весь советский период историографии Русско-японской войны; третья часть — это материалы, представленные после 1991 года. Надеюсь, автору будет позволено избежать длительного объяснения для Вас и себя причин такого подразделения, самый требовательный читатель имеет об этом общеизвестное представление в разрезе главных перемен эпох развития нашей страны на протяжении многострадального XX века.

Сразу после завершения русско-японского конфликта на Дальнем Востоке на русское общество обрушился целый поток литературных свидетельств только что произошедших событий со стороны их непосредственных участников. Свое видение случившегося оставили как бывший главнокомандующий генерал-адъютант Куропаткин, так и большинство старших командиров и офицеров Маньчжурской армии. Были опубликованы многочисленные дневники, отражающие настроения и впечатления, царившие в наших рядах на полях Маньчжурии. Воспоминания о столкновении с Японией оставили и гражданские очевидцы событий — медицинские работники, инженеры железнодорожного ведомства.

Наиболее подробным описанием наших случившихся неудач в первой временной части работ по Русско-японской войне, безусловно, являются изданные под руководством генерала **В.И. Гурко** в 1910 году *«Материалы Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны»* в 15 томах (в части сухопутной кампании). Также глубокий анализ боевых событий, их причинно-следственных связей представлен в мемуарах бывшего главнокомандующего Маньчжурской армией **А. Н. Куропаткина** — *«Записки генерала А.Н. Куропаткина»*. Почтенны также работы известного военного мыслителя **А.А. Свечина** — *«Тактические выводы Русско-японской войны»*, *«Предрассудки и боевая деятельность»*. Прекрасно отражают военную действительность воспоминания одного из известных отечественных фортификаторов начала столетия, героя **Порта-Артура** в 1904 году и **Ивангорода** в 1914 году, инженер-генерала **А. Шварца** — *«Осада Порт-Артура»*. Преимущество этих работ заключается в свежести приводимых в этих работах фактов, отсутствии единого идеологического подхода к проблеме, большое внимание к непосредственным военным деталям причин наших поражений в этой войне. В ходе данных работ главными причинами «странных» поражений русской армии в Маньчжурии являются следующие факторы:

1) устаревшие принципы в организации и исполнении маневренных боевых операций;

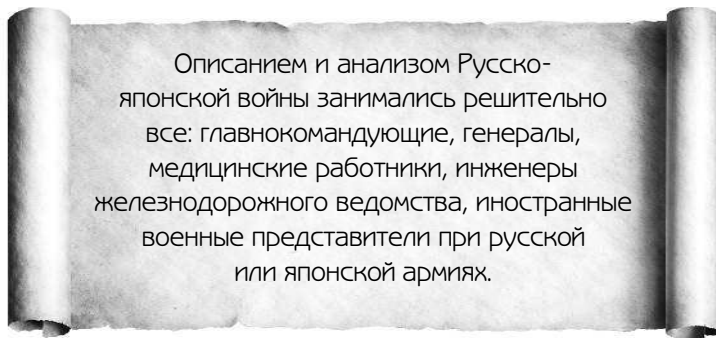
2) более слабая боевая подготовка русских войск в сравнении с уровнем, предъявленным неприятелем;

3) отсутствие популярности войны как среди нижних чинов, так и среди офицерского состава армии;

4) превосходство противника на море, защищавшее все его связи с островной метрополией;

5) личные недостатки командующего (Куропаткина) — нерешительность, медлительность, постоянная подчиненность действиям врага.

Немалое значение анализу причин исхода Русско-японской войны в первый период после завершения боевых действий было уделено за рубежом. Появилось несколько работ иностранных военных представителей при русской или японской армиях, проследовавших с этими войсками большинством сражений в Маньчжурии и давших собственные причины успехов одной и неудач другой из конфликтующих сторон. Наиболее выделяются здесь изданные и в России материалы британского генерала **Я. Гамильтона**, в качестве наблюдателя прошедшего первую часть боевого пути 1-й японской армии маршала Куроки в Корею, на р. Ялу и в Маньчжурии. Широкою известностью получили две работы германского военного представителя при русской армии — майора **барона фон Теттау** — *«Восемнадцать месяцев с русскими войсками»* и *«Куропаткин и его помощники»*. В отличие от британского генерала, германский майор с искренней симпатией относился к русским силам, однако подверг их и командование беспристрастному и иногда суровому в своих выводах анализу принятия решений и их выполнения. Большое количество отчетов, заметок и выводов иностранных военных агентов, состоявших при штабах русской и японской армий в Маньчжурии, было объединено и выпущено в России многотомным сборником *«Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев»*.

Общая оценка действиям русской армии со стороны очевидцев — иностранных наблюдателей событий может быть выражена фразой известного французского писателя **Андре Мальро**: *«Ваши люди умеют драться, но они не умеют сражаться»*. Если говорить более научно, то, подтверждая перечисленные отечественными современниками недостатки нашей печальной маньчжурской кампании, иностранные наблюдатели от себя добавляли как существенный фактор неверие русского воинства в свой успех и в своих начальников, отмечали превосходство в образовании японского солдата, его способность выполнять поставленную задачу даже при отсутствии офицеров.

Советская историография русско-японской кампании была представлена сравнительно меньше дореволюционной, свое главное внимание историки Страны Советов вполне обоснованно направили на другие исторические события, своими размерами и последствиями заслонившие дальневосточ-

ный конфликт начала столетия. В то же время советская эпоха оставила после себя много исторических работ, где обосновываются причины и исход несчастной войны с точки зрения теоретических основ диалектики марксизма-ленинизма. В этих работах вся военная кампания рассматривается под углом политической предопределенности ее исхода в силу отсталости системы общественных отношений в России, подо что привязывается в том числе и непосредственный анализ боевых действий, определивших исход кампании. Но появлялись работы, сосредоточенные не на вскрытии политических причин поражения царизма, как это тогда называлось, а на исследовании причин хода боевых действий и их последствий — обширная монография *«Русско-японская война»* Левицкого, *«Оборона Порт-Артура»* Сорокина. Они воспроизводят факторы поражений русской армии, указанные в дореволюционных работах В.И. Гурко, А.Н. Куропаткина, А.А. Свечина и иных авторов, однако добавляют к ним свои положения, многие из которых дают дань имевшимся политическим взглядам на устройство общественного мира. В частности, в историографический оборот вводятся политическая и, как следствие этого, военно-техническая отсталость Российской империи на рубеже войны, выводится вперед слабая работа Николаевской академии Генерального штаба российских вооруженных сил, выделяется (а иногда и придумывается) негативное влияние императорской фамилии на принятие тех или иных военно-политических решений в ходе дальневосточной кампании.

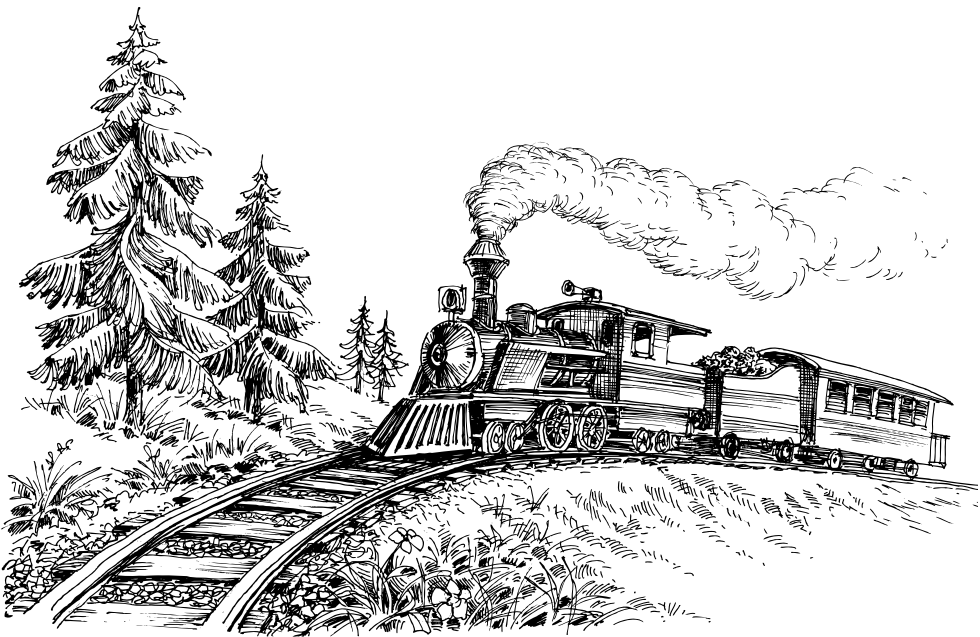
На современном историческом этапе, после событий 1991 года и распада Советского Союза, исследователям и читателям вновь стали открыты обширные материалы дореволюционных работ, посвященные русско-японской проблеме начала XX века, началось их новейшее переосмысление. В частности, по вновь открывшимся материалам стали появляться исследования о связях японской военной разведки с представителями запрещенных российских политических партий социалистического направления, боровшихся в то время против существовавшего государственного строя Российской империи. По понятным причинам ранее эти материалы не могли быть опубликованы в отечественной исторической литературе. Факты подобного сотрудничества, например, подробно исследуются в работе Д. Павлова *«Русско-японская война. Секретные операции на суше и на море»*, также проблемы связей японцев с российскими революционерами рассматриваются у А. Шишова в книге *«Неизвестные страницы Русско-японской войны»*. При всей малой изученности данного направления при рассмотрении вопросов Русско-японской войны контакты оппозиционных политиков и социалистических движений с японской разведкой не являлись существенными в анализе главных факторов поражения России на Дальнем Востоке. Вторым направлением современных исследований Русско-японской войны стало исследование влияния межличностных отношений, возникших в ходе карьеры ведущих военных руководителей, оказавших определенное влияние на ход боевых действий на Дальнем Востоке. Данное направление представлено

в работах А. Гущина «*Оборона Порт-Артура*» и «*Русская армия в Маньчжурии*». Возникновение данного направления в настоящее время так же ново и вполне обоснованно по времени своего появления, как один из факторов в организации управления вооруженными силами на военном театре. Ранее подобные работы вряд ли могли появиться в отечественной исторической науке, поскольку в дореволюционное время подобные исследования задевали бы интересы наших бывших военных вождей еще при их жизни. А в советские времена анализ и учет влияния подобных проблем на исход вооруженной борьбы противоборствующих сторон противоречил бы основам теории диалектического материализма и автоматически становился лженаучным направлением.

В финале нашего предисловия мы должны констатировать, что при всей обширной историографии Русско-японской войны с момента ее завершения и до наших дней, при всем объеме проведенного анализа и извлеченных из него выводов финальный результат противостояния в Маньчжурии продолжает оставаться удивительным. Поражение русской армии в начале XX века на Дальнем Востоке трагично, и оно продолжает оставаться сложно объяснимым своей постоянной горечи от неудачно принятых решений в ответственные моменты кампании. Ну а победа японцев отличается всеми чудодейственными признаками военного счастья, необыкновенного в своем постоянстве для нарождавшейся островной империи. Это неизменное постоянство фортуны врагу на протяжении всех перипетий и коллизий Маньчжурской кампании, приводившее его силы к успехам вне зависимости от суммы остальных входящих условий, во многом и вызвало к появлению на свет наше авторское произведение.

Глава 1

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЙНЫ: ИСТОКИ ЛОБОВОГО СТОЛКНОВЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Исток Русско-японской войны 1904–05 гг. лежит в строительстве Великого Сибирского пути — так в Российской империи называли сооружение на стыке XIX и XX веков магистральной железной дороги протяженностью в 7000 верст от Урала до Владивостока. Приведем цитату британского посла в Пекине Э. Сэтоу в письме своему премьер-министру лорду **Р. Солсбери** в марте 1900 года, после чего начнем издалека, то есть, с самого начала. Итак, **Э. Сэтоу** писал следующее: *«Полагаю, что война между Россией и Японией неминуема. Япония не будет готова раньше 1903 года, хотя некоторые утверждают, что она должна воевать теперь или никогда, пока еще не закончена Сибирская железная дорога»* (стр. 48). Американский историк **С. Окамото** в своей работе уточняет, что истоком дальневосточного конфликта стало не столько само возведение железнодорожной магистрали по российской территории, сколько появившаяся при помощи **С.Ю. Витте** идея спрямить трассу Сибирского пути за счет ее прокладки напрямик, через земли китайской Маньчжурии.

Коренные реформы, предпринятые императором Александром II Освободителем в 60-х годах XIX века, разбудили русское общество, послужили импульсом роста русского предпринимательства, увеличения торгово-промышленного класса, расширения хозяйственного оборота капиталов и имеющихся в стране ресурсов. Вместе с тем, почти сразу же встал вопрос о нехватке одного из ключевых ресурсов — земель сельскохозяйственного назначения. Россия — самая большая страна в мире и ключевой экспортер продовольствия в Европу — столкнулась с проблемой перенаселенности крестьянского населения в европейской части своей империи и вызванного этим малоземельея. Малые площади сельскохозяйственных угодий не позволяли интенсифицировать развитие хозяйств, образовывали большое количество безземельных крестьян, тормозили рост благосостояния населения. Министр финансов России того времени **С.Ю. Витте** писал: *«Крестьянское малоземелье, давно уже замечаемое во многих губерниях Европейской России, несомненно, должно быть отнесено к отрицательным явлениям русской жизни: оно не выгодно для народного хозяйства, потому что в непривычных условиях существования малоземельный крестьянин становится экономически слабым, а его труд — менее производительным; оно невыгодно для государства, потому что экономически слабые элементы населения служат скорее в тягость государству, требуя от него усиленных попечений и не давая ничего взамен; оно, наконец, не может быть признано и нормальным ввиду массы пустующих земель, которые остаются мертвым капиталом именно по отсутствию рабочих рук и которые посему очень выгодно заселять нуждающимися в земле для приложения к ней своего труда...»** В конце XIX века в черноземной полосе Российской империи плотность сельского населения уже подходила к значению до 70 человек на квадратную версту, в результате чего средний размер крестьянского надела снизился до 1,3 десятины пахотной земли, а количество безземельных крестьян доходило до 20% дворов в отдельных губерниях.

Итак, необходимы были новые земельные ресурсы. Они необходимы как для перетока существующего избытка рабочей силы из перенаселенных рай-

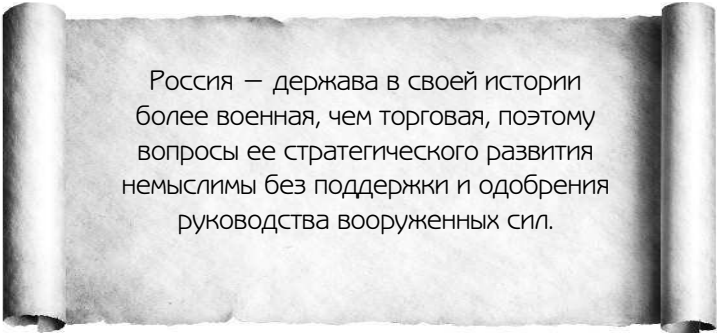
онов Европейской России, так и для расширения сбыта нарастающего объема продукции отечественных предприятий. Вот что об этом пишет тот же **С.Ю. Витте**, тая свои преувеличенные надежды и на международный торговый успех после запуска ж/д сообщения по возведенной трассе: *«Сибирский путь установит непрерывное рельсовое сообщение между Европой и Тихим океаном и, таким образом, откроет новые горизонты для торговли не только русской, но и всемирной. И для России важно, что она, участвуя в сообщениях Европы со странами азиатского Востока на протяжении больше 10 000 верст, может и должна воспользоваться не только выгодами посредника в торговом обмене произведений Востока Азии и Запада Европы, но и выгодами крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского Востока. С постройкой Сибирского пути не только усилится роль России на мировом рынке, но и для нее откроются новые обильные источники народного благосостояния»**.

Россия — держава в своей истории более военная, чем торговая, поэтому вопросы ее стратегического развития немислимы без поддержки и одобрения руководства вооруженных сил. Военный министр Российской империи генерал-адъютант **А.Н. Куропаткин** идею сооружения Великого Сибирского пути разделял: *«Постройка Сибирской магистрали по нашим владениям соответствовала видам военного министерства, ибо облегчала связь с Приамурским краем и оборону этой окраины России»* (стр. 147). И далее высказывает собственную оценку данному проекту: *«Решение было простое, естественное и в то же время великое. Эта железная дорога несомненно оживила бы чрезмерно медленно развивающийся Приамурский край, вызвала бы туда усиленное переселенческое движение и этим закрепила бы эту важную окраину для России»* (стр. 148).

Уже в 1872–74 гг. на Урале работала специальная инженерная комиссия по поиску трассы возможного ж/д пути в сторону Тюмени и Омска, в 1875 году вопрос о сооружении Сибирского пути впервые рассматривался Кабинетом министров Российской империи. В мае 1882 года император Александр III утвердил журнал совещания Кабинета министров о направлении трассы предполагаемой ж/д магистрали. Через девять лет, 19 (31) мая 1891 года Наследник престола, будущий император, Николай II во Владивостоке лично провел торжественную закладку уссурийского участка Великого Сибирского пути, положив начало строительству «первого БАМа» в истории нашей Родины.

К 1902 году крупнейший инфраструктурный проект своего времени был Россией успешно завершен. **Великий Сибирский рельсовый путь, включающий построенные для него Пермь-Котласскую, Екатеринбург-Челябинскую и Китайскую Восточную железные дороги, был построен за 8 лет и представлял собой магистральную сеть, прочно связывающую Европейскую Россию с ее дальневосточными рубежами.** Протяженность Сибирского пути равнялась более 8 000 верст. Затраты на возведение столь масштабного для своего времени проекта обошлись государственной казне в астрономическую цифру 760 млн руб.

Помимо стратегического разрешения вопроса малоземелья в европейской части Российской империи, Сибирская железная дорога давала «зеленый свет» вовлечению в хозяйственный оборот богатых ресурсов сибирских губерний России, что также учитывалось Императорским правительством в качестве будущих источников окупаемости указанных выше обширных капиталовложений в ее возведение. **Сибирский рельсовый путь гарантировал возможность притока к себе ресурсов и товаров с сибирской территории более 100–150 верст в каждую сторону от своей трассы, иными словами, в новый экономический оборот вовлекалась территория более 1,3 млн кв. км (приблизительный размер всей Центральной Европы).** Причем вовлекаемая в оборот территория Сибири оказывается вполне сопоставима по своим климатическим показателям с европейскими губерниями России, а по потенциалу сельскохозяйственного и горнопромышленного производств — даже превосходит. Таким образом, строительство Сибирской железной дороги порождало фактически новый обширный рынок товаров и услуг на Дальнем Востоке Российской империи, ориентированный в зависимости от торговых условий как на запад, так и на восток, где теперь вставал вопрос о необходимости установления правовых основ российской внешней торговли продуктами нарождающегося сибирского производства. Это выводило Россию на тернистый путь переговоров с главными игроками Восточной Азии — Китаем и Японией.

Россия — держава в своей истории более военная, чем торговая, поэтому вопросы ее стратегического развития немислимы без поддержки и одобрения руководства вооруженных сил.

Понимая данное обстоятельство, вскоре после начала строительства Сибирского пути в 1891 году в комитете ее строительства министром финансов **С.Ю. Витте** озвучена необходимость установления и защиты российских торговых интересов на Дальнем Востоке. Предполагая будущий рост производства в Сибири и открывающиеся возможности экспорта товаров отсюда на международные торговые рынки Китая, Кореи и Японии, **С.Ю. Витте** полагал всесторонне изучить потребности последних, а также условия местной торговли, государственную политику этих стран в области таможенных пошлин и протекционизма, с тем чтобы после их выяснения вступить в предметные переговоры об условиях продвижения отечественной продукции промышленности и сельского хозяйства на рынки Китая и Японии.